

Португалов Григорий Маркович

**Революционная совесть и
социалистическое
правосознание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Маркович П.**
Революционная совесть и социалистическое правосознание / Португалов
Григорий Маркович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 54 с.

ISBN 978-5-519-79177-9

ISBN 978-5-519-79177-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ной пестротой феодальной эпохи, которая создала такие противоречия, как всемирное значение папства, в то время, как врагами его были все классы общества, и распространение коммунистических идей в монастырском и еретическом коммунизме, облекавшемся в мистические формы, без существования классовой борьбы неминуемых.

Типичная дробность феодального хозяйственного строя средних веков и развитие государственной церковности влияли, однако, благоприятно на рост идеи общенародного права, как объединяющей распыленные по мелким экономическим и политическим единицам массы и, в то же время, легко окрашиваемой в различные оттенки церковной мысли. Все это вначале сближало средневековую аристократию церкви с зарождающейся либеральной буржуазией в поддержке принципа: «*ius naturale potius est, quam ius positivum*». Но очертания этого «*ius naturale*» расплывались и принимали различные формы, все более удалявшиеся от римских высот и приближавшиеся к эгоистическим запросам мелких феодалов и епископов, мечтавших о власти.

Существенным было, однако, то, что оба вышеуказанные момента, так гармонично слитые в праве римском: «общей справедливости», как источника права, и «доброй совести», как способа применять его, по времени, по сфере и возможности их приложения к действительности, более не совпадали. То оторванные от практической жизни мечтатели углублялись в философские отвлеченные основы общежития и искали в естественном праве убежища своему одинокому правовому чувству, среди ужасов бесправия и произвола, которые творились в судах, подобно тому, как алхимики и астрологи погружались в мистические тайны потустороннего мира, связь которого с земной планетой была где-то в неизвестном месте перерезана (Арнольд Брешианский, вальденсы, апостольские братья). То члены различных судилищ, пользуясь специальными полномочиями светских и церковных властителей, творили суд и расправу по той «*bona fides*», которая, в их изуверском представлении, если то были фанатики идеи, и — лживом, если это были бездушные чиновники светских и духовных властей, соответствовала их правосознанию.

Никакой связи не было между этими мирами: познания и действительности — законодательства, науки и судебной практики. «Добрая совесть» следователей инквизиции рекомендовала пытки, истязания и мучительную смерть на кострах для спасения душ еретических, и в «Молоте ведьм» Ширенгера, служившем наказом для деятелей инквизиционного суда, они черпали кошмарные рецепты мучительств для изгнания бесов, если не для спасения тех, уже окончательно плененных сатаной, то для спасения душ.

Так появилась разновидность «доброй совести» — «*святой совести*», «*совесть святой инквизиции*», и в юшмарных подробностях, уцелевших в летописях истории, ведьмовских и еретических процессов, она постоянно фигурирует, наводя своим определением — «инквизиционная» — густую тень на чистое понятие совести.

Всевозможные инквизиционные суды — легатские, епископские, нищенствующих орденов, «святой трибунал» руководствовались папскими и епископскими посланиями, пытавшимися установить содержание ересей обычным правом, определившимся в этой чудовищной юрисдикции, а, главным образом, святым, инквизиционным убеждением, не подлежавшим ничьему контролю.

Попытки кодификации, начавшиеся со времен Фридриха II, установили в сборниках указов виды ересей, понятие «верующего», «соумышленника», «покровителя», «ходатай еретиков», и меры наказания их: объявления вне закона, сожжения живыми, конфискации имущества, сожжения недвижимостей, лишения права наследования.

Все это не могло объять многообразия того религиозного разномыслия, которое заполнило средневековье, не взирая на ужасы репрессии и жажды фанатизма и нетерпимости, которую не могли утолить сотни тысяч костров, сжигавших еретиков во славу божью.

Любопытна первая сводка канонов, относящаяся к XIII веку и ставшая уставом инквизиторской деятельности. Каноны эти были адресованы «нашим любимым и верным сынам о Господе Иисусе Христе, братьям проповедникам и инквизиторам». Введение достаточно характеризует пределы той «*bona fides*», которая предоставлялась духовным судам. «Мы пишем вам эти вещи не потому, что хотели бы связать ваше мнение, ибо неприлично ограничивать свободу, предоставленную вашему благоразумию, формулами или правилами иными, чем исходящими от Святого Престола, но мы желаем прийти вам на помощь в вашем самопожертвовании, чая, что вы, несущие на себе наши тяготы, должны находить у нас помощь и совет от чистого сердца».

Трудно представить, сколько трудов положено было на организацию святых трибуналов, выяснение их юрисдикций, составление наказов и т. д. Все основные правила римского процесса по устройству судов, организации обвинения и защиты, допроса свидетелей и собирания доказательств были положены в основу их деятельности и, конечно, извращены в той же мере, в какой папачество инквизиторских судов было извращением религиозной идеи. Папские и епископские буллы вводились в статуты всех государств и городов¹⁾, все могущество государства предоставлялось для сыска Св. Инквизиции, все официальные научные силы служили инквизиторской экспертизе, все население — жертве. Из римского

¹⁾ Булла папы Иннокентия IV «*Ad extirpandum*» и др.

права заимствованы были принципы независимости суда, несменяемости судей, формализма следствия и суда, были прекрасно налажены регистры, образовавшие международную полицию и не дававшие еретикам возможности скрыться от святых трибуналов. «Руки инквизиции», пишет Генри Ли в «Истории инквизиции в средние века», дающей богатейший материал по истории инквизиции и ее процессу ¹⁾, «были длинны, память ее непогрешима, но шире всего было ее усмотрение—*святая совесть монашеского величества*», истреблявшая отдаленных потомков за неотомщенные, но убеждению трибунала, грехи еретика.

Естественно, что народные массы, в паническом страхе, трепетали при одной мысли о таких судах совести, отражавших ужасы феодального крепостничества, и редкие попытки протеста против сенъерии, объединившей феодальных землевладельцев с церковными пастырями, подавлялись с невероятной жестокостью (бунты во время Жакерии во Франции, мятеж Уота Тайлора в Англии, крестьянские восстания в Германии).

Только к моменту, когда внутреннее разложение церковной государственности выступило, наконец, черными язвами наружу, послышались, в эпоху реформации, сначала робкие, а затем и более решительные, возражения против принципа совести, освященного памятью веков и запятанного кровью. Все это осознались массами, откликнувшимся на призыв Лютера к бунту против церкви (Томас Мюнцер, восстание Франца фон Зиккингена, великая крестьянская война XVI века).

Возражения сводились к тому, что, так называемая, «святая», «инквизиционная» и со всякими другими определениями «совесть», как мерило правды, есть не что иное, как судейский произвол, что предоставление судам свободы в разрешении дел есть санкционирование того, что продиктовано личными желаниями и настроенностями того или иного судьи, творившего волю пославшего его, что как бессилён раб в условиях экономического быта, создающего и питающего рабство, и как беззащитен он в правовых своих гарантиях, отражающих экономические зависимости людей, так, в тысячу крат, хуже его положение, когда отсутствуют даже такие ничтожные и внешние нормы правовой гарантии, и человек предан на поток и разграбление чужой, быть может, черной совести, преступной и жестокой, прикрытой сутаной и кощунственно оскверненной крестом.

Эти идеи мелькали среди фантастических мечтаний, к которым убегала мысль от гнетущей были современности. Сказочные конструкции. «Утопии» Томаса Мора и «Государства Солнца» Фомы Кампанеллы привели, наконец, к обоснованию общественного дого-

¹⁾ Имеется в русском переводе, изд. Брокгауза и Ефрона, СПб. 1911 г.

вора»¹⁾, как лучшего общественного строя, в котором человек «отдает обществу всю свою естественную свободу и получает взамен свободу гражданскую».

Окрепили все эти одинокие и разобщенные идеи только в XVII и XVIII веках, в эпоху «естественного права». Уже в системе научно-правового мировоззрения они начали будировать зарождавшуюся новую жизнь, влиять на законодательства, обогащать науку, революционизировать массы, властно требовать новых форм общежития.

Теоретические построения Гуго Гроция вылились в бурные строки Вольтера, Руссо и учеников их, именуемых «плендою провозвестников революционного движения» для перестроения общественных отношений по началам естественного права.

Под этими лозунгами промчалась бурей над Европой французская революция, принципы естественного права легли в основу революционного законодательства, ими пропитана была «декларация прав человека и гражданина», наделившая его политическими и гражданскими свободами, как того требовал «*naturalis ratio*», которому посвящен был культ Высшего Существа в дни зенита славы Робеспьера (1794 г.). Эти начала получили свое реальное осуществление в декретном гражданском и уголовном законодательстве Революции: уничтожении сословий или, вернее, слиянии их, «в одно третье и единственное» сословие французских граждан, уничтожении прав духовенства, привилегий, титулов, барщины, всех прав, вытекавших из крепостной зависимости «по земле или телу», ограничений иностранцев, установлении гражданского брака и полной его секуляризации, уравнивании в правах незаконных детей, полном уничтожении феодальных земельных прав без выкупа, ограничении наследования по закону и завещанию, введении суда присяжных, реформе следствия и т. д.

Теоретичность учения естественного права и отрешенность его от действительной жизни соответствовала и декларативному характеру революционного законодательства. Провозглашение гражданских свобод и размещение их в различных кодексах не затронуло основ буржуазного общества, оберегло жизненные интересы того третьего сословия, которое вместило в себя классовые различия, чтобы затем в долгие годы реакции выявить их с особой резкостью и выпуклостью. Тупик революции, символизирующийся возглавлением ее Жирондой с Горой при глубоком различии их политических устремлений, быстро выявился в великих противоречиях социальных интересов, чисто внешне объединившихся для борьбы с феодально-цеховыми силами, подавлявшими политическую и гражданскую свободу, и затем в смертельной схватке изничтоживших друг друга.

¹⁾ Е. Каутский. «Из истории общественных течений». СПб., 1905 г.

Это вызвало и великий опыт устроения Коммуны, разрушенной внутренними силами, как только проявилось классовое расслоение «третьего сословия» и осозналось, что дальнейшие пути революции затронут личное благосостояние членов того же сословия, и декрет от 29 марта 1793 г., гласивший о том, что те, которые вызовут своими статьями уничтожение и осквернение собственности, будут наказаны: смертной казнью, если преступление последует за подстрекательством, или 6 годами заключения в тюрьме, если такового преступления не последует; и как молчат законы, когда раздастся звон оружия, остались литературными памятниками революционные кодификации, когда вступила в свои права «революционная совесть» французских трибуналов.

Уложение 3 брюмера IV года санкционировало гильотину, и длинный список декретов предавал ей врагов народной свободы, которыми, по определению декрета от 22 прериаля, являются те, кто старается силой или хитростью посягнуть на народную свободу или попытается унижить или уничтожить народный конвент, являющийся центром революционного и республиканского правления. Ст. 1 декрета о трибунале гласила: «В Париже учреждается чрезвычайный уголовный трибунал, ведению которого подлежат все контр-революционные предприятия, все покушения против свободы, равенства, единства и неделимости республики, внутренней и внешней безопасности государства, а также все заговоры, направленные к восстановлению королевской или всякой иной власти, посягающей на свободу, равенство и суверенитет народа, будут ли обвиняемые гражданскими или военными чиновниками, или простыми гражданами»¹⁾.

Деятельность чрезвычайного уголовного суда ширилась и росла, расширяя и признаки, характеризовавшие «врагов народа»: аристократы, все попавшие в секционные списки «подозрительных», вызывающие недоверие к поставщикам припасов и продовольствия, нарушители собственности земельной или промышленной, экспортеры зерна, препятствующие рекрутским наборам, продавцы звонкой монеты и т. д.

Единый и равный вид кары—смертная казнь—применялся ко всем, кого революционная совесть подводила под одну из рубрик «врагов народа», и считалась она непогрешимой: ст. 13 декрета о трибунале определяла, что приговоры трибунала не подлежат кассационному обжалованию.

Однако Конвенту и эти мероприятия представлялись недостаточными. При обсуждении законопроекта о «подозрительных» была заслушана депутация Коммуны, поддержанная Дантоном, требовав-

¹⁾ «Революционный трибунал в эпоху французской революции», изд. «Былое», Петроград, 1918 г. Н. И. Кареев. Парижские секции, Пгр., 1916 г. Е. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, 2 т. Пгр., 1911 г.

шая создания специальной революционной армии, которая должна объехать департаменты с революционным трибуналом и гильотиной, должны быть арестованы все «подозрительные» и в кратчайший срок судимы.

Состав «подозрительных» был намечен следующий: дворяне, священники, лавочники, крупные коммерсанты, биржевики, бывшие прокуроры, интенданты и дельцы, крупные рантье, сутяги по духу, профессии и воспитанию.

Для определения виновности некоторых категорий «подозрительных» «революционной совести» давались соответствующие указания: по декретам от 17 и 20 октября 1793 г. священники, у которых найдут какие-либо контр-революционные изображения, должны, наравне с духовными лицами, взятыми с оружием в руках или с иностранными паспортами, предаваться смертной казни; «подозрительными» должны признаваться те, которые не проявляли постоянного влечения к революции; те, кто, будучи более осторожными, говорят загадочно о бедствиях республики, сожалеют о судьбе народа и всегда готовы распространять дурные вести с притворной печалью; наконец, те, кто, не совершив ничего против свободы, не сделал ничего и для нее.

К сожалению, о прениях в трибунале материалов не сохранилось, и лишь списки приговоров с краткими обвинительными актами дают некоторую возможность определить содержание и объем применения «революционной совести» в эпоху Национального Конвента.

Так же отрывочны дошедшие до нас сведения о судопроизводстве английских чрезвычайных судов в эпоху опередившего на полтора века континентальную революцию революционного движения в Англии, «второй решительной битвы буржуазии» ¹⁾.

Казнь Карла Стюарта была сигналом к принятию общинами билля о «справедливой власти народа», и защита ее была передана Высшему Суду Правосудия («High Court of Justice»), которому была вверена власть «судить, осуждать и казнить свободных граждан Англии». Суд этот, заимствовавший практику Звездной Палаты, действовал по доносам, лишал подсудимых обычных гарантий, не имел определенных компетенций, судил по внутреннему, всегда враждебному подсудимому убеждению, и, по свидетельству писателей того времени ²⁾, никого не оправдывал.

Но, возвращаясь к более близкой нам по духу и времени Французской революции, мы должны признать, что причины, вы-

¹⁾ «Великая борьба европейской буржуазии против феодализма достигла своего кульминационного пункта в трех решительных битвах» (реформации, английской революции XVII века и Великой Французской революции). *Энгельс, Исторический материализм.*

²⁾ *П. И. Люблинский.* Правосудие в Англии в эпоху революции половины XVIII века. «Вестник Европы», 1917 г., кн. 7—8.

заввшие систему террора во Франции, объясняют и характер деятельности французского трибунала.

Для нашего задания важно установить, что в содержание того вида совести, которым руководился французский трибунал, входило только *уничтожение* всего, что мешало делу революции, искоренение зародышей контр-революции, вне всякого отношения к причинности, злой воле или каким-либо иным факторам преступности.

Так понимали функции трибунала и деятели Конвента и руководители секций и клубов. Депутация от клуба якобинцев, поддерживавшая в Конвенте проект создания революционной армии, требовала: «пусть эта армия будет разделена на несколько секций, пусть за каждой секцией следует грозный трибунал и страшный инструмент законной мести, пусть эта армия и ее трибуналы функционируют до той поры, пока почва республики не будет очищена от предателей и пока не умрет последний из заговорщиков». Требования клуба резюмировались в следующих тезисах:

«1) освободить трибунал от формальностей, заглушающих совесть и препятствующих выработке убеждений; 2) издать закон, позволяющий присяжным объявлять, что они уже достаточно ознакомились с процессом. При этих условиях—и только при этих условиях—изменники погибнут и террор войдет в порядок вещей»¹⁾.

Известно, что это предложение было 29 октября обмечено Конвентом в декретную форму и в тот же день применено трибуналом в процессе жирондистов: присяжные признали, что дело для них ясно, свидетели защиты не были допрошены, подсудимые лишены последнего слова, защита отведена, и смерть была приговором.

Так вновь разверзлась бездна между «ratio naturalis», укрывшимся в декларациях прав, кодексах—гражданском и уголовном, бесчисленных законопроектах, переходивших от одного «чтения» к другому и—жуткою «bona fides», которую осуществлял революционный трибунал.

Подполье, в которое ушли революционные силы, после разгрома Парижской Коммуны, не остывало в годы реакции от внутреннего горения. В то же время в кодексах, которыми обновилось законодательство почти всей Европы, общественных исканиях, научной мысли, подвергшей разрушительной критике теорию историзма, как оправдания политической реакции, в партийных дискуссиях—углублялись, естественно, правовые идеи «свободного права» в толщу социальных явлений, все резче подчеркивающих тищету правовых формальных свобод гражданских в кованной капитализмом несвободе, которая повела хозяйственную жизнь европейских наро-

¹⁾ Campardon, E. Histoire du Tribunal Révolutionnaire de Paris. Paris, 2 vol. 1862.

дов по пути грандиозных кризисов во всех областях экономического быта. Здесь, в литературных сомнениях и социальных противоречиях, скопьялись новые силы для последнего и решительного боя—уже на позициях не правовых, а социальных.

«Задача социалистического переворота,—писал Маркс,—не разрешилась во Франции, она здесь только встала на очередь ¹⁾».

И самый поверхностный социально-политический прогноз мог предсказать *неправовую* формулу грядущей революции.

Тем не менее, очень существенна для нашего задания дальнейшая судьба учения естественного права.

Возрождение его в конце XIX века явилось вновь прологом научно-революционной мысли в области права.

В русской литературе Петражицкий, в немецкой—Штаммлер выступили одновременно с правополитическим учением, корни которого органически соединены были с теорией естественного права.

Исходя из психологического понимания существа права, Петражицкий устанавливает основу политики права в достижении социального идеала любви к ближним ²⁾. На историческом пути выявления активности социальной любви и мирового разума, как бы излучаясь, кристаллизуются их яркие следы в правовых воззрениях народных, законодательных нормах, институтах и учреждениях. Борьба эгонистического начала с началом любви идет по путям конечных побед последнего, и задача правовой политики заключается в облагораживании правовой мотивации общественной жизни, в смысле приближения ее к восприятию идей любви.

Это проявляется в законодательстве, отражающем кривую линию исторической борьбы двух сил, интуитивном праве, том внутреннем правовом критерии, который освещает ярким уравнивающим светом все правовые эмоции людей, едином мировом «*naturalis aequitas*», и — судебной практике, применяющей нормы положительного и интуитивного права к отдельным случаям жизни, руководствуясь мерою любви, которую каждый вместить может—«*bona fides*».

Учение это, тщательно разработанное в деталях, применено было автором к критике основных законодательных материалов современности: германской кодификации гражданского права, работы по составлению которой шли под воздействием новых теоретических исканий в области права, и—русского проекта гражданского уложения.

Почти одновременно с изданием труда Петражицкого в немецкой литературе появилась работа Штаммера ³⁾, чрезвычайно

¹⁾ Классовая борьба во Франции.

²⁾ *Lehre von Einkommen*, II, 1895.

³⁾ *Das Recht der Schuldverhältnisse*, 1897.

тесно примыкающая к основным воззрениям Петражицкого. Смутность и неопределенность содержания идеала любви Штаммер заменяет *высшей целью правопорядка*, при которой стремления людей становятся едиными и субъективные интересы разрешаются с точки зрения интересов общих. В частности, в приведении судом отдельных претензий к единому знаменателю социального блага и заключается, по мнению Штаммера, содержание «доброй совести».

Целый ряд европейских ученых последовательно развивали эту тему, внося в нее различные поправки, но бессильные вырваться из круга неясности, неопределенности и туманности содержания и даже очертаний своих достижений. Подчеркивалось разнообразие социального идеала и неодинаковость его в различных исторических условиях (Штейнбах), связь его с моралью господствующей среды, создающей «общественное правосознание», выставлялись критерии: «культуры» (*was die Kulturentwicklung fordert*), «природы вещей» (*nature des choses*) и т. д. В русской литературе целый ряд работ Покровского, Новгородцева, Кистяковского и др. освещали теневые стороны таких теоретических построений, случайность их конечных точек зрения при одной объединяющей исходной идее—необходимости обоснования свободного права для законодателя и судьи, нахождения принципа единой и принципиальной базы для проявления «доброй совести».

Совершенно очевидным было, что при классовых противоположностях, растущих с сказочной быстротой, должны существовать различные оценки сущего и желанного, что определенность «общественного правосознания» для рабочих одна и для предпринимателей другая, что критерии «культуры», «природы вещей» и пр. суть великие философские задания, которые в практике судов превращаются в малые произволы, что только путем взаимных уступок, при затаенной и глухой борьбе классов, все чаще переходящей в борьбу открытую, удается достичь чисто внешнего, компромиссного примирения. А история общественных движений с упорной настойчивостью продолжала доказывать, что обострение социальных конфликтов не притупляется от примиренческих способов их разрешения.

И потому идеал естественного права, обогащая философию права, разрабатывая новые пути методологического знания, властно влияя на законодательство, внося в него отдельные очень существенные реформы, но, вращаясь в одной сфере чистого права, не могла обрести точки приложения своей силы к той действительности, которая строилась на фундаменте экономического рабства и права собственности, свободы договоров, наследования, уголовных норм, охраняющих суверенные права государства, не потерявшего своей субстанциальной сущности—аппарата подавления—от смены

определенный: «полицейское» на «правовое», как бы все эти институты ни облагораживались либеральными реформами.

Идея «правовой свободы», свободного права, единого в законе и в суде не прилагалась к факту экономической несвободы, она была шире его, из другого материала соткана и, в стремлении своим помочь, разрушала его тем путем, по которому пролагала свои шаги в истории, путем революции.

Практические достижения ее были большие: проникновение в право гражданское публичных начал, попытки ограничения свободы договоров, зародыши рабочего законодательства и охраны труда в регламентации трудовых договоров, усиление активности суда в бессильном гражданском процессе, новая постановка проблемы вменяемости, опасного состояния, реформа карательной политики, суды для малолетних, патронат.

Уголовная антропология, уголовная социология, труды международных съездов, работы социологической школы, переложившей тяготу преступлений со слабых плеч человеческих на среду, его вскормившую, усилившееся влияние психиатрии придали в уголовном праве преобладающее значение естественно-научной мысли по сравнению с научно-юридической, но, конечно, влияние правовых исканий не могло не отразиться на вопросах уголовной политики, давно уже воспринявших ту разновидность принципа доброй совести, которой является внутреннее убеждение суда при оценке судебного материала и признании вины.

В нашу задачу не входит историческое изучение этой интересной правовой проблемы, и схематически указанные пути ее развития приведены только для иллюстрации исторического блуждания двух ликов единой идеи, мертвых без соединения и не могущих обрести его на всем пути мировой истории после опыта древнего Рима.

Очевидно, что не в правовой сфере почва их воссоединения, и — в мистических ли путях Судьбы, или позитивных — исторической закономерности — потребовалась мировая бойня, как апофеоз капитализма, чтобы в сфере социальной, мировых хозяйственных отношений назрело то сочетание «*ratio naturalis*» с «*bona fides*», которое намечилось юной историей в хозяйственной миниатюре Рима.

II. Постановка проблемы совести в буржуазном и социалистическом праве.

С спокойствием ученого и трепетом революционера, восторгавшегося героизмом «штурмовавших небо коммунаров»¹⁾, наблю-

¹⁾ Цитата В. И. Ленина.